

НА ЮЖНОЙ ОКРАИНЕ

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Немцы ведут сейчас наступательные бои на узком участке Сталинграда. Ареной боев являются заводы и рабочие поселки.

Концентрация всех своих усилий и средств на одном узком участке фронта характерна для тактики немцев в наступлении. Противник употребляет все свои немалые силы на то, чтобы овладеть хоть одной его важной частью и получить, таким образом, возможность сделать долгожданное заявление об успехах на берегах Волги.

Секрет упорной обороны Сталинграда не в выдуманных немцами фортификациях, а в стойкости защитников города, а также в размерах Сталинграда и его планировке. Сталинград, вероятно, — самый длинный город в России. Он тянется по Волге на десятки километров, то сужаясь, то расширяясь вновь. Ручьи и реки текут в Волгу, размывая тористый берег, образуя глубокие балки. Они перехватывают город в нескольких местах, как бечевка вязку сосисок. Постройки мельчают, и кажется, что город переходит уже в пригород и вскоре кончится совсем. Но вот — мост через балку, и за ним опять большие дома, улицы, фабрики. Сталинград начинается снова.

Мы отправляемся в один из южных районов города. Этот район обороняет эскадра гвардейская часть. На первый взгляд, здесь все спокойно. Ходим по тихим улицам. Часть домов разрушена. Во многих домах ставни закрыты и наглухо заколочены досками: их жители выехали на время за Волгу. Но в некоторых домах живут. Дети играют на улицах, матери в огородах роют картошку. Сталинград, пробитая со всех сторон снарядами и осколками, стянула часть пригорода, занятую немцами, и продолжает частично работать, снабжая энергией районы, остающиеся в наших руках. Зеленые жители спят в своих постелях, топят печи, готовят обед,

развешивают во дворах белье, получают «Сталинградскую правду».

И все же жизнь здесь какая-то приглушенная, в ожидании бомбы или снаряда. Времени от времени хоронят убитых при артиллерийском обстреле и бомбежке. Но все относительно на войне. Живущие в этих кварталах люди считают себя счастливыми в сравнении с теми, которые оказались по ту сторону города. Они не спрашивают, как это кончилось. Они спрашивают: скоро ли? Скоро ли немцев прогонят, скоро ли откроются предприятия, магазины и жизнь опять зазвучит громко?

На одной из улиц отрядки шаласадников сняты со столбов и положены планшетами в виде навесов, а под ними стоят орудия. Знакомимся с командиром орудия старшим сержантом Николаем Филоненко. Он роется в карманах и отыскивает бумажки, где для памяти записал, когда и что он уничтожил своими снарядами: 13 танков, 57 автомобилей, 49 повозок, шестиствольный миномет, 7 пулеметных точек, около 600 немцев...

Стоит немного отойти от поселка, подняться в гору и втиснуться в ход сообщения, как попадешь на наблюдательный пункт. Отсюда видны цели, по которым бьет Филоненко. Это блиндажи и траншеи немцев и дорога, по которой они подвозят свои резервы в Сталинград.

Как чувствуют себя немцы, сидящие против нас в обороне? На днях наш снайпер ухлопал, наконец, обер-ефрейтора Германа Витребе. Они много дней сидели в земле один против другого, знали один другого в лицо. Сидя в окопе, Витребе писал письмо своему брату Густаву. Теперь это письмо передо мной. «О себе хорошего писать нечего. Четыре месяца нет поезда мяса и жира. И единственная жгиль, беспокоящая меня, — это о моем желудке. Вообще вы не можете себе представить, что здесь

происходит. На днях пробегали собаки. Я стрелял. Но та, которую я подстрелил, оказалась очень тощей».

Наши бойцы на передовой получают два раза в день горячую пищу: мясо, кашу или суп, чай и, сверх нормы, свежую рыбу. Возжские рыбаки сами пришли в гвардейцам со своими снастями. Их жены тут же, в расположении части, чистят судаков. Ночью, на передовые привозят уху, и ее армат наверняка доносится до обоняния какого-нибудь гитлеровского собаководца.

С берега Волги видно поле боя. Идет артиллерийская дуэль. Там, где упал снаряд, поднимается облако пыли. Снаряды ложатся двумя рядами недалеко один от другого. Один ряд — это наши попадания, а другой — немецкие. Наши снаряды ложатся возле отдельно стоящих домиков, а германские — у самого берега Волги. В артиллерийский концерт вступает еще одна неприятельская батарея. Она начинает жать снаряды вокруг нас. Один попадает в берег, вздымая каскад черной земли и черного дыма, другой — в воду.

Ту часть Сталинграда, где мы побывали сейчас, мы назовем все-таки мирным городом, ибо все относительно на войне. Посмотрим теперь туда, куда немец устремил всю свою ярость. Белые и темные дымы тут и там вьются над городом, и кажется, будто город живет и дышит заводы. Но это не дыхание жизни, это — дыхание смерти. Дым этот — от мелких пожаров, которые ни на один день не прекращались с 24 августа, когда немцы подвергли город первой страшной бомбардировке.

Я вижу отсюда каждый дом и каждое окно. Кто в доме: наш пулеметчик или немецкий мародер с мешком? Что за окном: жизнь или смерть? И чья это пушка ниже, над крышей мудравые барабаны шрапнельных разрывов? Но вот возникает новый пожар. Черный густой дым валит широким столбом. Это горит нефть или мазут на одном из заводов. Дым разливается по небу гигантской жирной лужей. Вот он достигает солнца, солнце сразу меркнет, и преждевременные сумерки окутывают Сталинград и Заволжье.

Ночь. Теперь не видно дыма, но видно пламя. Во многих местах горит Сталинград. Пусть горит, — мы отстоим его и возродим из пепла! По нескольким осветительным ракетам сразу вспыхивает в кварталах, занятых немцами.

В осенний звездопад не отличишь падающую звезду от трассирующего снаряда. Сюда бы художника — написать для потомков эту феерическую сталинградскую ночь в сверкании шороха, магии и фосфора, это небо, исчерченное полетом разноцветных пуль.

Ночью явственнее слышна канонада. Она мерно гремит над Волгой, как исправно работающая машина, без остановки месяц и двадцать дней. Светят прожекторы, пролетают невидимые бомбовозы, наши — туда, их — сюда. И вот неприятное: «Юнкерсы» идут к переправе. Они втыкают в нее свои «свечи». Три светящиеся бомбы недвижимо повисают в небе. «Им» все видно: баржу и буксир посреди реки и автомобиль, скопившиеся в ожидании переправы. «Они» пикируют раз, другой, третий; свечи горят, барже некуда деться. Кто в ней: свежие бойцы, готовые вступить на священный берег Сталинграда, или эвакуированные из своих пещерных убежищ дети? Долго гудят злоеющие раскаты бомб.

Неужели попала? Ночь еще велика, будет еще много паромов и много «Юнкерсов».

Утром опять ярко светило солнце. Мы долго ходили по улицам Сталинграда, прежде чем спуститься к переправе. Это наш, советский, незапятнанный фашистами Сталинград. Потом перебрались на левый берег и проезжали деревни Заволжья, где нет ни зелени, ни воды, где серой пылью покрыты дома и заборы, где нет ни травинки на темных широких улицах. По этому пути идут в Сталинград наши резервы.

А тех, кто едет оттуда, останавливают и спрашивают, подойдя поближе, почти на ухо:

— Ну, как Сталинград?

— Сталинград? Да, знаете, ничего. Держится.

И держаться будет!

П. ЛИДОВ.

Сталинград. (По телеграфу).